

Лессинг Готхольд Эфраим

Гамбургская драматургия

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г73

Г73 **Готхольд Эфраим Л.**
Гамбургская драматургия / Лессинг Готхольд Эфраим – М.: Книга по Требо-
ванию, 2022. – 535 с.

ISBN 978-5-519-93327-8

ISBN 978-5-519-93327-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

вѣрность перевода мѣстами сильно даютъ себя знать. Не смѣемъ думать, чтобы переводчикъ не зналъ того языка съ котораго онъ переводилъ, однако во многихъ случаяхъ, переводъ его невѣренъ. Чтобы не быть голословными, укажемъ нѣсколько примѣровъ.

На стр. 95 говорится, что извѣстность Кронегка *скорѣе основывается на томъ, что онъ написал въ действительности*. Въ этихъ словахъ, представляющихъ собою искаженіе словъ Лессинга, переведена только половина фразы, а другая почему-то осталась безъ перевода.

На стр. 102 слово Gnade передано словомъ *откровене*, слово Ursache—словомъ *побужденіе*, и смыслъ отъ этого нѣсколько страдаетъ.

На стр. 128 говорится о смѣлости Бернини, тогда какъ рѣчь идетъ совершенно о другомъ.

На стр. 136 говорится, что „масса (народа) днемъ съ удовольствіемъ прислушивается къ ироническимъ рассказамъ о призракахъ, а *ночью съ ужасомъ сама о нихъ рассказываетъ*. Вздоръ, заключающійся въ послѣднихъ словахъ, всецѣло принадлежитъ переводчику.

На стр. 173 переводчикъ находитъ, что актриса для роли *слишкомъ высока ростомъ!* Онъ буквально передалъ слова подлинника: zu groß. Да и это собственно не буквальный переводъ. Но значеніе этихъ словъ для мыслящаго читателя понятно.

На стр. 189 читатель не пойметъ, что такое *ложные* характеры, но пойметъ нѣмецкое слово miszgeschilderte при малѣйшемъ знаніи нѣмецкаго языка.

На стр. 257 говорится, что „Маффеи такъ мало желалъ, чтобы его произведеніе (трагедія) было однимъ только *восхваленіемъ* (!?) Эврипида“. Здѣсь нелѣпость вышла оттого, что переводчикъ не зналъ, что значить слово Divination. Вѣроятно, молъ, оно происходитъ отъ латинскаго слова divinus, божественный, а отсюда можно съ грѣхомъ пополамъ добраться и до восхваленія. О свѣдѣніяхъ переводчика въ латинскомъ языкѣ скажемъ ниже.

На стр. 264 не такъ понять нѣмецкій глаголъ sich vergeben, вслѣдствіе чего и выходитъ вотъ какая чепуха: „Одинъ и тотъ же писатель здѣсь стремился подъ чужимъ именемъ воздать себѣ то, что *простилъ* себѣ подъ сво-

имъ собственнымъ именемъ.“ Лессингъ хочетъ сказать, что Вольтеръ, какъ человѣкъ самолюбивый, не любившій никого хвалить, старался подъ чужимъ именемъ (именно Ленделя, подъ которымъ писалъ самъ) возвратить себѣ то, чѣмъ онъ пожертвовалъ подъ своимъ собственнымъ именемъ. Впрочемъ странно учить нѣмецкому языку человѣка, берущагося за переводъ Драматургіи Лессинга!

На стр. 280 читаемъ, что Эвриклъ и Меропа по старому вооруженію, данному Эгисту передъ отправленіемъ его на чужбину, чтобы спасти отъ гибели, могли тотчасъ узнать *друг друга* по прошествіи пятнадцати лѣтъ, въ-сто того, чтобы узнать именно возвратившагося Эгиста, для чего ему и дано было это вооруженіе.

Иногда точности перевода вредитъ буквальная, а не логическая точность, какъ напр. на стр. 275, гдѣ слова *безъ всякаго противорѣчія* должно понимать въ смыслѣ *безъ всякаго сомнѣнія*. Не понимаемъ, почему слово *nachstellen* далѣе (стр. 276) переведено словомъ отыскивать.

На той же злосчастной страницѣ переводчикъ смѣшалъ Меропу съ планомъ пьесы! Если не вѣрите, то прочтите сами статью XLIII въ подлинникъ. Впрочемъ вотъ фраза: Меропа и *въ томъ видѣ, въ какомъ она выведена въ пьесѣ*; а у Лессинга: *въпрочемъ и при томъ планѣ, какой составилъ поэтъ*.

На стр. 283 говорится о томъ, что Корнель расширилъ одинъ изъ законовъ драмы, *von dem sich ohnedem kein Gebot bei den Alten findet*. Переводчикъ передаетъ эту фразу такъ: „который безъ того уже фѳрмально постановленъ древними писателями“. Какъ разъ наоборотъ!

На стр. 325 Лессингъ хочетъ сказать, что злобная Ноттингэмъ старается погубить то, чѣмъ она не можетъ обладать (*was sie nicht besitzen kann*), но переводчикъ въ этомъ съ нимъ не согласенъ и говоритъ совершенно другое: „того, кто не хотѣлъ обладать ею“.

На стр. 327 англійская королева Елисавета долго борется сама съ собою, раздумывая, засадитъ ли ей въ Тоуэръ дерзкаго, человѣка (Эссекса), или *оставить при себѣ*. У Лессинга: допустить къ себѣ (*vor sich lassen*).

Списокъ неточностей, невѣрностей и искаженій нѣмецкаго текста, винимся въ этомъ передъ благосклонными читателями, далеко не полный, но мы боимся утомить ихъ

вниманіе. Уже и сказаннаго, надѣмся, достаточно, чтобы видѣть, какіе перлы заключаетъ въ себѣ переводъ Драматургіи въ отношеніи передачи нѣмецкаго текста. Еще искуснѣе передаетъ переводчикъ латинскій текстъ. Онъ, вѣроятно, раздѣляетъ наше мнѣніе, что латинскія фразы переводить нужно, такъ какъ не всѣ же читатели знакомы съ латинскимъ языкомъ. Однако онъ переводитъ только одну фразу, да и то какъ! судите сами. Вотъ текстъ: Si justus imperator fuisset, debuit patris familiae corpus in monumentum referre, mulierem affigere cruci. Переводъ (стр. 228—229): „Еслибы императоръ Юстиніанъ былъ справедливъ, то долженъ былъ бы воздвигнуть памятникъ надъ отцомъ семейства (!?), женщину же пригвоздить ко кресту“. Для иллюстраціи всѣхъ прелестей этой фразы нужно еще прибавить, что она взята изъ Сатирикона Петронія. Не говоря уже о свѣдѣніяхъ переводчика въ латинскомъ языкѣ, очевидно, онъ не знаетъ и того, кто жилъ раньше, Петроній, или императоръ Юстиніанъ! Вообще его свѣдѣнія историческія и другія гораздо ниже тѣхъ, какія требуется для болѣе или менѣе основательной передачи „Драматургіи“ Лессинга. Вслѣдствіе этого онъ заставляетъ насъ читать фразы вродѣ слѣдующихъ: „Кажется, что Тассо, когда онъ писалъ „Олинта и Софронію“, имѣлъ въ виду Virgilія въ его „Низій и Эвріалъ“ (стр. 95). Оставляя въ сторонѣ малограмотность этой фразы, мы должны спросить, чтожь это—Олинтъ и Софронія—поэма что-ли или отдѣльная часть какого нибудь болѣе крупнаго произведенія?

Вслѣдствіе, вѣроятно, того же малаго знакомства съ дѣломъ вообще, въ переводѣ являются шутки, короли и пр., тогда какъ рѣчь идетъ о сюжетахъ, взятыхъ изъ античнаго міра! По той же, несомнѣнно, причинѣ переводчикъ передаетъ собственныя имена въ весьма странной формѣ: *Атреусъ, Хилинусъ, Анніанъ Александринъ, Геле, Демей, Сококль, Токасъ (Фока), Селецій* (! Это—Селевкъ. Не сдѣланъ ли переводъ съ французскаго?). А всѣмъ извѣстная Гекуба—такъ та обращается въ какую-то неслыханную *Якубу*!

При такихъ вообще малыхъ свѣдѣніяхъ трудно было переводчику спасти свою ладью отъ крушенія помимо разныхъ путеводныхъ средствъ, безъ которыхъ это круше-

ніе могло постичь и болѣе опытныхъ пловцовъ. „Драматургію“ Лессинга мѣстами нельзя понять безъ толкованій, какъ сочиненіе специальное, притомъ написанное больше, чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ. Это сознають и сами нѣмцы, и потому у нихъ явился не одинъ основательный трудъ въ этомъ родѣ. Мы пользовались комментариемъ Козака (Materialien zu G. E. Lessing's Hamburgischer Dramaturgie), двухтомнымъ изданіемъ „Драматургіи“ съ обширнымъ введеніемъ и подробными подстрочными примѣчаніями въ разномъ родѣ, сдѣланнымъ Щретеромъ и Тиле (Lessings Hamburgische Dramaturgie), наконецъ французскимъ переводомъ Круле, довольно тщательнымъ, но скудно снабженнымъ примѣчаніями. Вотъ какъ чтутъ нѣмцы заслуги своего великаго соотечественника, а мы беремъ его знаменитую „Драматургію“, урѣзываемъ ее чуть не на половину, да и этотъ жадкій обрывокъ переводимъ небрежно, не снабжая никакими примѣчаніями, не справляясь ни съ какими толкованіями. Можетъ быть, переводчикъ не зналъ о существованіи послѣднихъ или это ему трудно было при малой освоенности съ нѣмецкимъ языкомъ? Какъ бы то ни было, это не прошло ему даромъ: отомстила карающая богиня Немезида.

Хотя на стр. 128 и сдѣланы примѣчанія подъ текстомъ къ именамъ Темпесты и Бернини, но все таки читатель безъ разъясненія не пойметъ, въ чемъ же заключались *дикость* перваго и *смѣлость* послѣдняго. Къ тому же и самые эти термины не вполне точны.

На стр. 195 русскій Лессингъ говоритъ громадную нелѣпость: „Оль (Вольтеръ) гораздо лучше бы сдѣлалъ, если бы провѣрилъ цифры всеобщей исторіи“. Съ какой стати? Переводчикъ не потрудился узнать, что Вольтеръ писалъ сочиненіе подъ такимъ заглавіемъ, и въ этомъ сочиненіи встрѣчаются нѣкоторыя хронологическія и другаго рода неточности.

На стр. 200 читатель никакъ не пойметъ безъ разъясненій слѣдующаго мѣста: „Уже въ прошломъ столѣтіи сидѣлъ въ Бастиліи въ Парижѣ честный Гуронъ (въ смыслѣ дикаря).“ Иному можетъ даже показаться, что это имя собственное. Но кто же былъ этотъ Гуронъ, какъ и за что онъ попалъ въ Бастилію?—На той же страницѣ читаемъ не менѣе загадочную фразу: „Позже, въ началѣ

нынѣшняго столѣтія, гдѣ-то въ Италіи жилъ одинъ педантъ“. Очевидно, это шутка, но есть ли это безотносительный вымыселъ автора „Драматургіи“, или онъ имѣлъ въ виду живое лицо? Кто можетъ догадаться, что Лессингъ разумѣлъ графа Маффеи?

На стр. 204 переводчикъ, желая, вѣроятно, пояснить, въ чемъ дѣло, разжижаетъ художественный и рельефный образъ римской богини *Suada* въ такой малозначащій оборотъ: „съ большимъ умѣньемъ говорить“. А между тѣмъ самая характеристическая черта этой богини не схвачена.

На стр. 227, говоря про злосчастную „Матрону Эфесскую“, переводчикъ называетъ ее *произведеніемъ* Петронія. Выходитъ, что такое его заглавіе! Можно ли такъ небрежно относиться къ дѣлу, что даже не навести справки хоть въ учебникѣ!

На этой же страницѣ встрѣчаются слова или имена, непонятныя читателю безъ объясненія: *Serva Padrona*, *Пимпинелло*, *Сербинетта*. И съ какой стати Лессингъ приводитъ ихъ? Какое они имѣютъ отношеніе къ дѣлу?! Только плечами пожмешь.

Стр. 269. Читатель въ самомъ дѣлѣ можетъ подумать, что Маффеи писалъ противъ разныхъ *поповъ*. На самомъ дѣлѣ онъ писалъ противъ проповѣдника Пфаффа и людей подобныхъ ему.

Но еще большую диковинку мы вычитали на стр. 270: „Какъ литераторъ, онъ (Маффеи) высказалъ слишкомъ много уваженія къ простотѣ древне-греческихъ нравовъ и къ *одеждѣ*, описанной Гомеромъ и Эврипидомъ“. Вслѣдствіе этого по логической послѣдовательности, которой переводчикъ уже долженъ былъ по неволѣ держаться, опять выходитъ странность: „Но одежда эта, чтобы способствовать трогательному чувству, возбуждаемому трагедіей, а не вредить ему, непременно должна быть, не скажу облагорожена, но болѣе уподоблена нашей“. Вотъ и объясненіе тѣхъ *сюртуковъ*, какіе порою встрѣчаются въ переводѣ. Неужели Лессингъ могъ сказать такой невѣроятный вздоръ?... Успокойтесь! Переводчика ввело въ заблужденіе итальянское слово *costume*, къ несчастію, такъ близкое къ слову *костюмъ*! На бѣду оно не значитъ *одежда*: имъ обозначалась совокупность обычаевъ, вѣрованій, суевѣрій и т. д.

Таковыми и подобными имъ промахами поплатился переводчикъ за то, что не хотѣлъ или не могъ справиться съ какимъ нибудь комментариемъ. А между тѣмъ его невѣдѣніе до того странно, что въ одномъ мѣстѣ онъ даже выдумалъ второй томъ Риторики Аристотеля! (стр. 404). Просто читаешь и глазамъ не вѣришь!

Послѣ этого — хорошо еще, что онъ пропустилъ такъ много статей. Переведи онъ ихъ всѣ, что бы тогда было! Тамъ вѣдь есть не только латинскія фразы, но даже и греческія, которыхъ нѣтъ никакой возможности перевести болѣе или менѣе точно безъ знанія греческаго языка, на основаніи одного только нѣмецкаго перевода.

Къ числу недостатковъ русской „Драматургіи“ нельзя не отнести и того, что нигдѣ не передается содержанія пьесъ, разбираемыхъ Лессингомъ, что иной разъ только облегчаетъ пониманіе текста, а въ другихъ случаяхъ положительно необходимо для его пониманія. Да это и не трудно было сдѣлать. Замѣтимъ еще по поводу недостатковъ, что переводчикъ нигдѣ не отличаетъ своихъ примѣчаній отъ примѣчаній Лессинга.

Однако что же это? Неужели переводъ „Драматургіи“, о которомъ идетъ рѣчь, лишенъ всякихъ достоинствъ? Нѣтъ, какъ лишенъ! Онъ вообще легокъ, читается плавно, подчасъ даже игривъ, но бѣда въ томъ, что это не Лессингъ.

Новый переводчикъ поставилъ себѣ задачею дать полный переводъ „Драматургіи“ Лессинга съ возможнымъ разъясненіемъ всего того, что могло бы въ ней показаться непонятнымъ для русскаго читателя. Онъ старался добросовѣстно относиться къ своему дѣлу, чтобы избѣжать всѣхъ тѣхъ ошибокъ, отъ которыхъ не уберется его почтенный собратъ. А насколько онъ достигъ успѣха въ этомъ отношеніи, судить не ему. *Ut desint vires, tamen est laudanda voluntas.* Коль силъ не хватаетъ, все таки самое стремленіе похвально.

И. П. Рассадинъ.

ИЗВѢЩЕНІЕ.

Легко угадать, что новый составъ управленія здѣшнимъ театромъ былъ поводомъ къ появленію настоящаго изданія.

Цѣль его—способствовать благимъ стремленіямъ, которыя, несомнѣнно, слѣдуетъ предполагать у людей, взявшихъ на себя дѣло управленія ¹⁾. Сами они достаточно выяснили себѣ эти цѣли ²⁾, и ихъ воззрѣнія какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ были встрѣчены болѣе образованною частью публики съ

¹⁾ К. Э. Аккерманъ (род. 1710 г. въ Шверинѣ, † 1771 г. въ Гамбургѣ) служилъ прежде въ военной службѣ, потомъ, вышедши въ отставку, поступилъ на сцену; онъ былъ отличный танцоръ и акробатъ, обладавшій кромѣ того пріятнымъ голосомъ; сначала служилъ актеромъ у другихъ антрепренеровъ, потомъ самъ былъ антрепренеромъ. Потерявъ все состояніе въ этомъ предпріятіи, онъ пріѣхалъ въ Гамбургъ въ 1764 г. организовать отличную драматическую труппу и выстроилъ новый театръ. Но небрежность по администраціи и другія неблагопріятныя условія снова раззорили его. Въ 1767 г. двѣнадцать богатыхъ купцовъ въ Гамбургѣ, подъ вліяніемъ поэта Лёвена, составили общество, вошли въ сдѣлку съ Аккерманомъ и сняли у него театръ, оставивъ прежнихъ актеровъ. Они задали себѣ задачу—образовать сцену, образцовую для всей Германіи. Часть финансовая была отдѣлена отъ заведыванія сценою, для чего выбрано было особое лицо. Это былъ Лёвенъ. Но онъ заведывалъ только актерами, а составъ репертуара и выборъ пьесъ поручены были Лессингу, котораго Лёвенъ пригласилъ черезъ посредство его друга, книгопродавца Николаи *).

*) Своихъ примѣчаній переводчикъ не будетъ обозначать, а въ отличіе ихъ будетъ обозначать примѣчанія автора.

²⁾ Лессингъ имѣетъ тутъ въ виду „предварительное извѣщеніе“ Лёвена, изданное въ 1766 г., въ которомъ говорилось, что слѣдуетъ устроить національный театръ, собрать актеровъ со всей Германіи, читать лекціи о вышнемъ (тіе-сномъ) краснорѣчіи, а главное выбрать хорошаго директора. Это „извѣщеніе“ по своимъ громкимъ обещаніямъ было большою ошибкою, потому что заставляло публику ожидать слишкомъ многого.

тѣмъ сочувствіемъ, какого достойно всякое добровольное и усердное служеніе общественному благу и какого можно ожидать въ наше время.

Конечно, всегда и вездѣ есть люди, которые во всякомъ благомъ начинаніи видятъ только заднія мысли, потому что они отлично знаютъ самихъ себя ¹⁾. Ихъ можно бы и оставить въ покоѣ при такомъ мнѣніи, но если въ силу этихъ предубѣжденій они возстаютъ противъ самаго дѣла, если, по низкой зависти, они стараются разстроить его, чтобы помѣшать достиженію нмимыхъ побочныхъ цѣлей, то пусть знаютъ, что они самые презрѣнные члены человѣческаго общества.

Счастлива та страна, гдѣ эти жалкіе люди не задаютъ тона, гдѣ большинство благомыслящихъ гражданъ держатъ ихъ въ почтительныхъ границахъ и не допускаютъ того, чтобы общіе интересы сдѣлались жертвою ихъ клеветъ, а патріотическія стремленія предметомъ ихъ пошлаго глумленія!

Да будетъ счастливъ и Гамбургъ во всемъ, что клонится къ его благосостоянію и свободѣ; онъ достоинъ этого счастія.

Шлегель ²⁾ предложилъ свой проэктъ преобразованіе датскаго театра ³⁾. Нѣмецкій поэтъ для датскаго театра! и для Германіи долго еще будетъ служить упрекомъ, что она не дала ему случая сдѣлать это предложеніе нашему театру. Вотъ первая и самая важная статья этого проэкта: „не слѣдуетъ предоставлять самимъ артистамъ трудиться ради своихъ выгодъ и убытковъ ⁴⁾. „Принципъ главенства ⁵⁾ въ средѣ ихъ низвелъ свобод-

¹⁾ Ипоцъ въ своей „Исторіи Гамбургскаго театра“ говоритъ, что еще раньше, чѣмъ новое предпріятіе осуществилось, напались люди, которые изъ зависти и вражды ко всякой новизнѣ стали смѣяться надъ нимъ.

²⁾ Іоаннъ Эліасъ Шлегель (1718—1749), старшій братъ Іоанна Адольфа, отца обоихъ романтиковъ, Августа Вильгельма и Фридриха, писалъ драмы еще въ юности. Будучи секретаремъ посольства въ Копенгагенѣ, онъ писалъ въ 1746 году „Мысли о преобразованіи датскаго театра“. Лессингъ говоритъ о немъ въ своей *Драматургіи*. См. стр. XIII и LII.

³⁾ Онъ требовалъ, чтобы театръ имѣлъ національный характеръ, именно чтобы нравы и взгляды дѣйствующихъ лицъ въ пьесахъ соответствовали духу націи.

⁴⁾ Werke III Thl. 5252. *Прим. автора.*

⁵⁾ Начиная съ конца XVI вѣка представленія театральныя пьесъ въ Германіи находились въ рукахъ пеховыхъ актеровъ, во главѣ которыхъ стоялъ принципаль, перебѣжавшій со своею труппою изъ города въ городъ. Этотъ принципаль, самъ актеръ, былъ и антрепренеромъ и директоромъ театра, и скудные доходы каждаго вечера дѣлились между всѣми. Со стороны общества поддержки

ное искусство на степень ремесла, къ которому хозяинъ относится большею частію тѣмъ небреженіе и своекорыстіе, чѣмъ лучше знаетъ своихъ подвластныхъ, чѣмъ больше рассчитываетъ получить отъ публики выгодъ или убытковъ.

Положимъ, что въ Гамбургѣ до сихъ поръ только еще образовалось общество любителей театра и принялось за дѣло, чтобы трудиться на основаніи плана, составленнаго для общей пользы. Уже и этимъ однимъ сдѣлано многое. Этотъ первый шагъ впередъ, даже при скромномъ сочувствіи публики, поведетъ легко и быстро ко всѣмъ другимъ усовершенствованіямъ, какія нужны для нашего театра.

Трудовъ и средствъ, несомнѣнно, жалѣть не будутъ. А найдется ли достаточно вкуса и пониманія дѣла, — это покажетъ время. И развѣ не во власти публики заставить отнѣнить и исправить то, что она найдетъ неудовлетворительнымъ? Пусть только она является, смотритъ, слушаетъ, изслѣдуетъ и судитъ. Ея мнѣніемъ не должно пренебрегать, ея сужденія слѣдуетъ выслушивать со вниманіемъ!

Только пусть не каждый ничтожный критиканъ считаетъ себя за публику, и чьи ожиданія будутъ обмануты, пусть немножко пообдумаетъ самъ про себя, каковы были его ожиданія. Не всякій любитель знатокъ; не всякій, кто понимаетъ красоты одной пьесы и хорошія стороны игры одного актера, можетъ цѣнить достоинства всѣхъ пьесъ и всѣхъ актеровъ. У чело-вѣка нѣтъ вкуса, если этотъ вкусъ одностороненъ; но часто такой цѣнитель бываетъ тѣмъ пристрастіе. Истинный вкусъ — это вкусъ всеобъемлющій, которому доступны красоты всякаго рода, но ни отъ одного изъ нихъ онъ не требуетъ наслажденій и восторговъ выше тѣхъ, какіе онъ можетъ доставить по своему характеру.

Слагающаяся театральная сцена, прежде чѣмъ она достигнетъ совершенства, должна пройти много ступеней. Но сцена испорченная, разумѣется, еще дальше отъ цѣли. И я сильно опасаюсь, какъ бы съ нѣмецкою сценою не случилось скорѣе послѣдняго, чѣмъ перваго.

актерамъ не было, а при такихъ условіяхъ, конечно, искусство не могло процвѣтать. Только со времени учрежденія постоянныхъ театровъ въ городахъ дѣло стало на новую почву, и матеріальное существованіе актеровъ и служеніе ихъ искусству были болѣе обезпечены.

И такъ всего нельзя сдѣлать разомъ. Но что растеть незамѣтно для насъ, то чрезъ нѣсколько времени мы увидимъ выросшимъ. Кто идетъ впередъ весьма медленно, но не теряетъ изъ виду своей цѣли, тотъ идетъ все таки скорѣе человѣка, блуждающаго безъ всякой цѣли.

Задача нашей Драматургіи—сообщать критическіе отчеты о всѣхъ пьесахъ, которыя ставятся на сцену, слѣдить за каждымъ шагомъ, который будетъ совершать на этомъ поприщѣ искусство поэта и актера ¹⁾. Выборъ пьесъ — дѣло не легкое; но выборъ предполагаетъ обиліе матеріала, и если не всегда можно ставить на сцену образцовыя произведенія, то мы хорошо понимаемъ, отчего это зависитъ. А пока хорошо и то, если посредственность и выдаютъ только за то, что она есть; по крайней мѣрѣ, неудовлетворенный зритель по ней начинаетъ судить объ искусствѣ. Если хотятъ развить вкусъ у человѣка, надѣленнаго здравымъ смысломъ, то нужно только объяснить, почему ему что нибудь не понравилось. Нѣкоторые посредственныя пьесы слѣдуетъ удерживать на сценѣ уже потому, что въ нихъ есть отличныя роли, въ которыхъ тотъ или другой актеръ можетъ выказать всю силу своего таланта. Нельзя отвергать музыкальнаго произведенія только потому, что текстъ къ нему плохъ.

Цѣнитель драмы обнаружить высшую степень критическаго таланта, если онъ, испытавъ наслажденіе или неудовлетворившись, сумѣетъ безошибочно различить, что и въ какой мѣрѣ должно отнести къ таланту поэта, а что къ таланту актера. Упрекать одного за то, въ чемъ повиненъ другой, значило бы вредить обоимъ. Чрезъ это одинъ упадетъ духомъ, а другой станетъ самоувереннѣе.

Актеръ долженъ въ особенности требовать, чтобы въ этомъ случаѣ цѣнитель соблюдалъ наибольшую строгость и непристрастіе. Оцѣнить вѣрно поэта можно всегда: его произведе-

¹⁾ Къ сожалѣнію, Лессингъ не долго могъ выполнить эту задачу. Ему помѣшало тщеславіе и неразуміе нѣкоторыхъ актеровъ. Такъ напр. г-жа Гепзелъ, пользовавшаяся большимъ вліяніемъ въ труппѣ, но тщеславная и выбиравшая для себя лучшія роли, обидѣлась его отзывами. Она составила формальный заговоръ противъ Лессинга; его стали упрекать въ томъ, что онъ невнимательно слѣдитъ за представленіями, безъ уваженія относится къ актерамъ; все это такъ оскорбило его, что съ нѣкотораго времени онъ рѣшился ограничиться одною литературною критикою. Объ этомъ онъ самъ говоритъ въ статьяхъ CI—CIV.